

Глава 1

— Госпожа Щebetина? Это Нью-Йорк. С вами говорит служащий концерна «Юнико»...

Катя просто уверена была, что это шутка. Идиотская шутка кого-то из бывших одноклассников. Было у них в классе несколько типов, способных так пошутить. Но кто именно? Маркелыч давно отец семейства, и жизнь его скрутила так, что у него времени не осталось на выдумки. Гусев находится в служебной командировке в Чечне. И ему-то как раз не до подобных шуточек. Мог, конечно, так приколоться Герка, но Герка сидел.

— Должен с прискорбием сообщить вам, госпожа Щebetина, что господин Юнин скончался от сердечного приступа.

Мать с миксером в одной руке и с кастрюлей в другой появилась в дверях. Ей показалось, что дочь что-то странное мелет по телефону.

— Опять балуются?

Наконец Катя положила трубку. Вопрос матери остался без ответа.

— Ты что — язык проглотила? Кто звонил-то?

Катя села на диван, потом зачем-то сбегала в комнату отца, вернулась и села на прежнее место.

Старшая сестра вышла из ванной с чалмой из полотенца на голове.

— Что-то случилось?

Даша последнее время стала склонна к ожиданию плохих новостей, и поэтому ошарашенный видок сестры не застал ее врасплох.

— Звонили из Америки, — проговорила Катя, с удивлением прислушиваясь к собственным словам. — Сказали, что Славка Юнин умер.

Несколько секунд все молчали. Катя почему-то отметила, что Даша становится похожа на мать. Ее некогда тонкая фигура потеряла форму, размылась. Начала полнеть. И все же черты лица от этого не пострадали. Вот сейчас Дарья подняла свои бровки домиком, глазички распахнула. Скорбящая мадонна, да и только. Удивительно, как Даша помнит всех одноклассников младшей сестры.

— Из Америки? — переспросила мать. — А почему именно тебе звонят?

— У него больше никого не осталось... — вместо Кати прошептала Даша. У нее уже давно дружно бежали слезы. — Бабушка-то давно умерла...

Катя внимательно наблюдала за матерью и сестрой. Поверили. Судя по их реакции — все возможно. Может быть, ее никто и не разыгрывает? Получается, что Юнин и правда умер.

У него был врожденный порок сердца, это все знали. Когда мальчишки толпой ходили в военкомат, Славка оставался на уроках с девчонками. В армию его так и не призвали. Нет, все-таки — чушь! Они же такие молодые! Осталось одно: это он сам так мог подшутить над ней. Вот именно: тест на жадность!

— Согласно завещанию господина Юнина, вы являетесь его единственной наследницей...

Ну конечно! Шутник... Хорошо хоть она не повела себя как последняя дура, не закричала в трубку: «Вылетаю немедленно!»

Она прежде всего сказала, что считает подобные шутки идиотскими. А потом добавила, что даже если, не дай Бог, это все правда и Славка Юнин в свои тридцать лет только и делал, что думал о смерти и поспешил составить завещание (лично она от всей души желает ему доброго здоровья), но ежели все-таки это случилось и он завещал ей, Кате, все свое добро, то ей от этого ни жарко ни холодно. Где она, Катя, а где — Америка? Прилететь она все равно не сможет, потому что деньги на билет ей придется собирать по всему городу, а свободных денег сейчас ни у кого нет.

Когда она все это изложила, на том конце провода промычали что-то по-английски, а затем на ломаном русском пообещали позвонить еще.

...Мать, глядя на Дашу, тоже заплакала. Слеза скатилась по щеке и капнула в тесто для блинов. Обе смотрели на Катю с сочувствием и осуждением одновременно. Почему, мол, ты-то не плачешь, не присоединяешься? Кино!

Катя хмыкнула и показала матери на место рядом с собой на диване. Та села.

— Мам, ты еще не все знаешь, — проговорила Катя, прислушиваясь к собственному голосу. — Дело в том, что все свое состояние, а оно, по словам звонившего, немалое: руководство компанией, счет в банке, две квартиры — все это якобы Юнин завещал... мне.

— Любовь! — выдохнула мать.

— И ты теперь... уедешь в Америку? — В глазах сестры было отчаяние. Будто она, Катя, в «горячую точку» собралась, на подвиги.

— Эй, вы обе! На сериалах вскормленные! — строго прикрикнула она. — Неужели думаете, что это может быть правдой? Да шутка это! Очередной привет Славки Юнина. Вот увидите, явится на днях с цветами.

Мать обиженно засопела.

— А ведь как он любил тебя, — с робким упреком вспомнила Даша.

— Прошляпить такого парня! — подхватила мать. — Нужно быть круглой дурой!

— Начинается!

Катя забрала из рук матери кастрюлю с тестом, миксер и отправилась в кухню. Настроение было испорчено.

В своей жизни бы лучше разобрались, чем к ней с упреками соваться. На нем что, написано было, что он таким удачливым окажется? Даже если все знать наперед, как полюбить, если не любитесь? В двадцать лет не очень-то думалось о деньгах. Любви хотелось... Катя включила газ и полезла за сковородкой. Спиной она почувствовала, что мать вошла в кухню и стоит у раковины. Даша тоже рядышком: волосы в прихожей расчесывает. Обе в мыслях о наследстве. Взбаламутил семейство пресловутый звонок. Только папы с племянниками не хватает, а то и они бы каждый по версии выдвинули.

Мать не выдержала первая:

— Я всегда говорила вам: смотрите лучше! Такие мальчишки были рядом, а вы обе за кого уцепились?

— Мам... — жалобно протянула Даша и включила фен. Мать обратила взор на спину младшей дочери, Кати.

— Юнина твоего, между прочим, видно было сразу. Математик, умница, хоть и рос без отца. Один из класса с золотой медалью окончил! — Шум фена мешал матери, и она заговорила громче: — И ведь какой постоянный! Класса с восьмого за тобой ходил? Ни на кого не смотрел. А ты кого выбрала? Нарочно не придумаешь!

Катя включила миксер и принялась работать над тестом с усердием бурильщика. Мать плюнула и ушла в комнату. Но тесто, увы, взбивается за минуту, и ровно через минуту мать вернулась в кухню за сигаретами.

— Рядом был золотой человек, а ты ухвати-

6 лась за бандита!

— Полегче, мам.

Катя налила теста на раскаленную сковороду. Эти ежевоскресные вылазки к матери она терпит исключительно из-за отсутствия в общежитии приличного душа. Если бы не это обстоятельство, она, пожалуй, ограничилась бы посещениями родительского дома раз в две недели. Нет, конечно же, она очень любит мать и сестру, но это бесцеремонное вторжение в частную жизнь иногда просто ввергает в отчаяние. Мужчины в этом отношении — дело другое. Отец никогда ни во что не вмешивается, пока его не попросишь. Брат Вадик способен на решительные действия, но на язык сдержан. И потом — в родительском доме он бывает крайне редко по причине военной службы.

— И хоть бы расписались, а то... бегают к тебе, когда ему вздумается, а ты дожидаешься! Вот теперь где он ошибается? Деньги просадит и прибежит, а ты дождись!

— Мама! — Тон Кати становится грозным.

Надежда Семеновна поняла, что переборщила, и постаралась смягчить неволью вырвавшиеся слова:

— Это я к тому, что с Юниным ты была бы — жена, а с этим ты...

— С Юниным я бы сейчас была вдовой! — перебила ее Катя, с грохотом ставя сковороду на плиту. — Ты это хотела сказать?

— Типун тебе на язык! — подскочила мать. — Может, он жив-здоров, а этот звонок — чья-то дурацкая шутка...

— Что и требовалось доказать, — удовлетворенно произнесла Катя, наливая на сковороду новую порцию теста. — Дарья, иди жарь! Я — в ванную.

Закрывшись в ванной, Катя включила холодную воду и умылась. Глянула на себя в зеркало. Она никогда не могла понять, с чего Юнин так запал на нее. Она не похожа ни на мать, ни на сестру. И та и другая — в теле, да и черты лица поярче. Катя же в отца — сухопарая и блеклая какая-то.

«Ты не такая, как все, — говорил Юнин. — У тебя все внутри». Что уж там внутри мог разглядеть Славка, осталось для Кати секретом. Что же касается того, что снаружи, она годам к двадцати научилась слегка приукрасивать. Пыль окружающим в глаза пускать. Необходимо, как оказалось, два-три штриха косметики, чтобы ее лицо заиграло всеми красками. Раз-два, и перед вами новая Катя. Только кому все это нужно?

Катя посильнее открыла кран, чтобы не слышать ворчания матери.

— Она даже не была его любовницей! — Сьюзи Уэлдон оторвалась от компьютера и многозначительно взглянула на приятельницу. Кэрролл только что принесла почту для управляющего, и у девушек возник отличный повод поболтать.

— Но может быть, она его кузина? Или что-то в этом роде? Дальняя родня?

— Как бы не так! Даниел утверждает, что они всего лишь учились в одном классе! Как тебе это нравится? Первая любовь, причем безответная. Можешь себе такое представить?

— То, что любовь бывает безответной, — могу. Но чтобы завещать ей все свое состояние... Эти русские просто шизанутые. Неужели у него нет настоящих родственников?

Кэрролл пожала плечами и села за секретарский стол Сьюзи. Если случайно заглянет Филипп или кто-нибудь из отдела маркетинга — она сортирует почту. Тут полно газет и рекламных проспектов.

— Разве он русский? — с интересом продолжила она эту тему. — Я думала, что Станислав — польское имя. Он не поляк?

— Он русский. Он приехал из России лет семь назад. Да, лет семь или около того. Без гроша в кармане.

— Семь лет? Слишком короткий срок, чтобы сколотить капитал, встать во главе компании и преуспеть в бизнесе. Тебе не кажется?

Сьюзи включила кондиционер и достала из холодильника ледяной тоник. Жара.

— И все же он сделал это, — подтвердила она. — Бедняга не собирался умирать в расцвете сил. Он работал как проклятый. Возможно, он надеялся когда-нибудь покорить ее или хотя бы привязать к себе этим наследством? Последние три года он ни разу не брал отпуск.

— Подумать только!

Дверь открылась, и в приемную вошел управляющий. Кэрролл поднялась, захватив кипу рекламных проспектов.

Филипп Смит, похоже, был серьезно озабочен. Его высокую, легко узнаваемую фигуру сегодня особенно портит сутулость. Меж бровей пролегла глубокая складка. Управляющий словно взял на себя чей-то груз. Впрочем, прическа, как обычно, была безукоризненна — копна жестких темно-каштановых волос тщательно разглажена гелем. Сьюзи знала, что, если их не разглаживать, они будут кудрявиться. Однажды она попала в общую с Филиппом компанию на уик-энд и подметила эту деталь. Кажется, кроме нее, в фирме этого никто не знал. Филипп обычно строго придерживался избранного имиджа.

Он мельком взглянул на бумаги в руках Кэрролл и сказал:

— Я попрошу вас, Сьюзи, напомнить всем приглашенным, что совещание начнется через пять минут.

Он стремительно пересек приемную и скрылся в кабинете.

Сьюзи и Кэрролл переглянулись. Они поняли друг друга без слов. За последние две недели Филипп научился улыбаться. Жаль, ведь его так украшает улыбка. Похоже, внезапная смерть босса по-настоящему потрясла его. Кажется, они даже были друзьями. Друзьями не для совместных уик-эндов, а в том

смысле... Говорят, когда у Филиппа начались проблемы с Деборой и он от отчаяния не знал куда себя деть, ходил мрачнее тучи, Станислав пригласил его к себе в гости. Вроде бы они там пили водку и говорили о жизни. Босс сам предложил Филиппу свою жилетку для слез, и тот, надо сказать, после нередко прибегал к этому способу облегчить душу. Он мог заявиться к Станиславу среди ночи, что называется, в состоянии аффекта и уйти на другой день с совершенно светлым взглядом на жизнь. Сьюзи приходилось общаться с женой Филиппа, Деборой. Та еще фурия. Дебора умела кого угодно довести до белого каления, с ней все ясно, но вот Станислав... С какой стати он брал на себя роль психотерапевта и чем таким особенным он мог утешить интересного respectable Филиппа, потерпевшего фиаско в семейной жизни? Неясность порождала сплетни и занимала умы таких служащих концерна «Юнико», как Сьюзи и Кэрролл.

Помощник Филиппа, Даниел, появился в приемной минуту спустя, и вскоре все, кого пригласили, собрались в просторном кабинете управляющего. Сьюзи на правах секретаря последовала за приглашенными, а Кэрролл осталась в приемной изнывать от любопытства.

Сегодня Филипп Смит был слишком официален. Сьюзи сделала вывод, что разговор не будет изобиловать подробностями. Она подавила вздох и положила перед собой блокнот.

— Я собрал вас всех, чтобы объявить о содержании завещания господина Юнина и тем самым поставить все точки над *i*.

Сьюзи посмотрела на Даниела. Он как-то обмолвился, что, возможно, Юнин и Смит — голубые. Чушь. Сьюзи ни на секунду не поверила. От Филиппа всегда исходило что-то чисто мужское. Когда он проходил мимо стола Сьюзи, у нее обычно щекотало в животе и мурашки пробегали по шее. Просто Филиппу не повезло с женой. Теперь той нужны его акции. Бракораз-

водный процесс длился второй год, и супруги до сих пор не пришли к компромиссу. Бедняга Филипп! Что же касается покойного Юнина... Непрошенные мысли Сьюзи разогнал уверенный голос Филиппа:

— Все свое движимое и недвижимое имущество, а именно: акции компании, квартиру в Нью-Йорке и квартиру в Калифорнии, банковские счета — господин Юнин завещал госпоже Щebetиной, которая проживает в России.

Филипп сделал паузу, предвидя вопросы, но никто не посчитал нужным ее нарушить. Даниел прятал свои смешинки под ресницами, остальные были бесстрастны. Сьюзи открыла было рот, но поняла, что вопрос о родстве Юнина с женщиной из России прозвучит неуместно, и промолчала. Филипп поднялся со своего стула и прошелся по кабинету.

— Поскольку господин Юнин владеет... владел контрольным пакетом акций, руководство компанией перейдет в руки его законной наследницы.

— Что-нибудь известно о ней? — раздался голос из совета директоров.

Филипп вздохнул.

— Известно только, что ей около тридцати лет. Она не замужем. Живет в одном из центральных районов России. В родном городе господина Юнина.

— Не густо.

— Ну а если русская наследница откажется от наследства? — вдруг подал голос Даниел. Причем он не пытался скрыть иронию. Сьюзи догадалась, что Дэну, как обычно, известно больше других. По кабинету пробежал ропот. Филипп и Даниел несколько секунд молча смотрели друг другу в глаза. Филипп — отстраненно и задумчиво. Даниел — насмешливо и вызывающе.

— Если русская наследница по каким-либо причинам откажется вступить в наследство, акции будут поровну поделены между членами совета директоров, а остальное имущество перейдет в фонд помощи больным детям.

Такова воля покойного.

Филипп снова занял место за столом и оглядел присутствующих. Не пропустил он и Сьюзи. Та ужаснулась боли, которая плеснулась на нее из глаз управляющего. Он страдал. Ее поразила догадка: он тоскует по Юнину! И его меньше всего сейчас волнуют акции, перешедшие к русской женщине. Вот это номер! А ведь кого, как не его, должно волновать все это? Ведь именно он мог занять главное место в совете директоров и возглавить компанию после смерти босса.

Сьюзи беспомощно оглянулась, будто ища подтверждения своим мыслям, и наткнулась на насмешливый взгляд Даниела.

— С чего такие прогнозы? — громко спросила она. — Где ты видел женщину, которая отказалась бы от такого состояния? Тем более у них в России сейчас не лучшие времена, не так ли?

— Все так, — подхватил Дэн. — Но ты бы слышала, что она ответила мне, когда я дозвонился до нее!

— Что же?

Все присутствующие обратили взоры на Даниела. Сьюзи поняла, что Филиппу известен ответ наследницы.

— Она сказала, что у нее нет денег на билет до Нью-Йорка. И по этой причине она вряд ли сможет приехать, чтобы вступить в наследство. А в завещании есть пункт, который Филипп забыл упомянуть... Госпожа Щебетина сможет наследовать ему только в том случае, если согласится на переезд в Америку.

— Так и сказала, нет денег на билет?

— Именно.

Кто-то попробовал хихикнуть, кто-то присвистнул. Но Филипп поднял глаза, и все стихло.

— Если по каким-то причинам госпоже Щеветиной будет затруднительно приехать, я сам полечу в Россию и отвезу бумаги. А потом буду сопровождать ее сюда. Есть еще вопросы?

Даниел перестал улыбаться, Сьюзи увидела, какие черные и блестящие у Дэна глаза: он так распахнул их, что они стали казаться вдвое больше.

— Да, я полечу в Россию, тем более накопилось достаточно дел, которые раньше решал в России Станислав. Теперь придется этим заняться кому-то из нас. Вот я и займусь.

«Бежит от своей Деборы», — подумала Сьюзи и отчетливо услышала, как за дверью чихнула Кэрролл.

Глава 2

Даша обманула мать, сказав, что едет на семинар по новым лекарствам от аллергии. Она взяла отгул и осталась дома. Время от времени ей просто необходимо побыть одной. Даша с утра проводила Анютку в школу, отвезла Витальку к родителям, а сама вернулась домой. Первым делом порылась в Анькиной свалке аудиокассет, разыскивая что-нибудь поспокойнее. Нашла инструментальные композиции Димы Маликова. Поставила кассету в магнитофон. Музыка моментально подхватила ее мятежное настроение и начала укачивать. Даша принялась за уборку. Прежде всего — шкаф. Полки с вещами дочери. Дашу удручала неаккуратность Ани. Вот Виталька совсем другой. Его конструкторы, многочисленные пазлы, блокноты и видеокассеты всегда в идеальном порядке. Если бы он был как все дети... Скорее всего он прекрасно учился бы и был бы опорой матери. У него какая-то патологическая тяга к порядку. Конечно, эгоистично с ее стороны было отвезти его сегодня к матери. Та в течение последних двенадцати лет и так практически с ним неразлучна. Но мать отдыхает хотя бы в Дашины выходные. Или когда дед, Дашин отец, берет мальчика с собой на турбазу. У Даши же практически нет дня, когда бы она могла побыть одна... Даша наконец развесила Анюткины комбинезоны,

брюки, блузки и перешла к полкам с бельем. Отсутствие у дочери стремления к порядку компенсировалось ее успехами в учебе. Слава Богу, хоть в этом нет проблем. Приятно ходить на родительские собрания и слушать об успехах Ани. Лет с пяти девочка была совершенно самостоятельным ребенком. По утрам сама разогревала чайник, одевалась и тихонько уходила в детский сад, а позже — в школу, благо и то и другое находилось во дворе. Анютка рано поняла, что матери трудно приходится с братом. С ним надо много заниматься: играть, читать, разговаривать. Чтобы он потихоньку, по капельке продвигался в своем развитии. А уж эти Виталькины приступы... Иногда они были так часты, что совершенно выматывали Дашу. Были периоды, когда припадки эпилепсии забывали о Витальке, но о них не забывала Даша. Сама возможность их продолжала держать ее в постоянном напряжении, не позволяя расслабиться.

Даша давно жила в условиях постоянного, непроходящего стресса. Как говорится, «в обстановке боевых действий». Вечные проблемы, бесконечная нехватка денег держали ее под прицелом, не давая забыть, что она, Даша, боец. Кто кого одолеет — она эту жизнь или, наоборот, жизнь ее, Дашу? И никогда, даже в самые благополучные минуты Даша не осмеливалась считать себя победителем. Она знала, что это всего лишь передышка перед боем.

Даша покончила с бельем и приступила к письменному столу. Когда дочь привыкнет ставить учебники на полку? Сколько раз просила ее об этом! Нет, она упорно оставляет их вперемешку с тетрадями бесформенной горой на столе.

Даша сложила учебники и принялась сортировать тетради. Под хаосом разноцветных тонких лежала раскрытая толстая, испанная острым и ровным, как новый забор, почерком Ани.

«Сегодня я не хотела идти в школу. Андрей болеет, и класс без него кажется пустым», —

прочитала Даша и перелистнула тетрадь на несколько страниц назад. Надо же, ее дочь ведет дневник — как она, Даша, в детстве. Те же глупые записи, то же постоянное состояние влюбленности... Вся душевная жизнь сосредоточена в каком-то Андрее, а о ней, матери, всего несколько фраз: «Получила тройку по контрольной, мама еще не знает...» «Нужно попросить у мамы новые кроссовки...»

Даша перелистнула несколько страниц, бегло просматривая. Ну, вот теперь Андрей забыт, и все записи о каком-то Саше. Хорошо хоть в свои двенадцать Анька остается нескладной и угловатой и мальчишки пока не разглядели в ней Прекрасной Дамы, а то... Скоро за ней нужен будет глаз да глаз. Даша уже собиралась захлопнуть тетрадь, когда наткнулась на запись, которая как магнитом притянула ее внимание: «Сегодня я проснулась с непонятной тоской в сердце. Я долго лежала и смотрела в потолок, пытаюсь представить, что дома у нас как раньше... Папа! Я так скучаю по тебе! Наверное, и ты думаешь обо мне сейчас, я это чувствую. Где ты, папа?»

Дашу как кипятком обожгло. Кровь бросилась в голову. Даша не видела бывшего мужа больше двух лет, хотя прекрасно знала, что он в городе. Больше двух лет она не получала от него алиментов или хотя бы каких-нибудь вестей. От знакомых она то и дело слышала, что его видели то там, то сям с новой женой и малолетним сыном.

Рана, нанесенная разводом, долго кровоточившая у Даши в душе, вроде бы зарубцевалась и, если ее не трогать, не очень-то и болит, а тут... По этой ране словно ножом полоснули. Даша задохнулась. Боль дочери со всего размаха врезала ей под дых. Даша согнулась в кресле и приклеилась глазами к тетради.

«Как я люблю тебя, папа! Я знаю, что и ты меня любишь, не можешь не любить. Может быть, Витальку ты любишь меньше, но меня... Я храню все твои подарки, которые ты сделал мне с тех пор, как